

ЗВЕЗДА

GIRLFRIEND

ЧТО

ЖЕРТВА

ФЕМИНИСТКА

ЗА

REBEL

ПСИХИЧКА

ДЕВУШКА

SELF-HARMER

БУЛИМИЧКА

АЛИССА
ШАЙНМЕЛ

ЧТО

ЗА

ДЕВУШКА

девушки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Понедельник, 10 апреля

ПОПУЛЯРНАЯ ДЕВУШКА

Очень сложно не пытаться его оправдывать. Он мой друг. Мы знакомы с самого детства. Вся школа знает, какой он добрый. Сложно поверить, что он способен на то, в чем его обвиняют. А если и так, может, это было нечаянно. Может, это была случайность.

А может, ей досталось поделом. В какой-то степени.

Да, да, я знаю, ни одна девушка не заслуживает того, чтобы ее бил парень, ни при каких обстоятельствах, никогда и так далее и тому подобное. Я за феминизм и вообще. Все мы сестры, друг за друга горой. Я с гордостью надену розовую шляпку на марш за права женщин, и когда в следующем году мне исполнится восемнадцать, голосовать буду за кандидаток или хотя бы за кандидатов, которые нас поддерживают. Феминизм, все дела. Мое тело — мое дело. Права женщин — права человека.

Вот только я не очень понимаю, как это все связано с нами. С тем, что сейчас происходит в нашей школе.

С тем, что, по слухам, длится уже несколько месяцев. Я даже не знаю, откуда взялись эти слухи.

Поневоле задумаешься, как можно было так долго молчать.

Поневоле задумаешься, сколько человек вообще способен так прожить. Может, ему было не так уж и больно? Может, он постепенно привык к боли?

Поневоле задумаешься, а что, если — в какой-то степени, в глубине души или, наоборот, на поверхности, не знаю, — человеку такое нравится?

ЕГО ДЕВУШКА

Глаз стал последней каплей. Синяка не было, но что-то явно намечалось. Скорее напоминало ячмень или раздражение, что-то такое. Наверное, можно было попробовать замазать его тоналкой, прогулять школу, пока не пройдет (пришлось бы изобрести какой-нибудь страшно заразный грипп, чтобы никто меня не навещал), но, если честно, теперь уже проще сказать правду.

А может, мне просто не хотелось больше прятаться. Выгораживать его.

Так что сегодня утром я пошла к директору.

Это случилось в субботу. Все воскресенье кожа вокруг глаза оставалась немного припухшей, розовой, но совсем чуть-чуть. Не то чтобы моя мама, единственная, кто мог что-то заметить в воскресенье (я весь день занималась дома), сильно ко мне присматривалась. Мы с ней живем скорее как соседки, а не как мама с дочкой: каждая в своей комнате со своими занятиями, своими книжками, своими сериалами.

Но сегодня утром мой глаз налился темно-розовым цветом, почти фиолетовым, но не совсем. Я надела то, что приготовила с вечера: джинсы

и красно-белую футболку академии Норт-Бэй. Футболка школьных цветов, потому что после уроков у Майка тренировка по бегу, а я всегда прихожу за него поболеть. Я убрала волнистые каштановые волосы в хвост. Натянула свитер — хоть и апрель, на улице пока что холодновато — и вышла из дома, не попрощавшись с мамой, даже не пожелав ей доброго утра: она могла заметить потемневший синяк.

А еще я хотела уйти, прежде чем Майк, как обычно, заедет, чтобы подвезти меня в школу.

Продираясь сквозь утренний туман, я добралась до школы. Мне вдруг пришло в голову, что свитер, который я надела поверх футболки, принадлежал Майку. Как-то я была у него в гостях, и он одолжил мне его, а я так и не вернула.

Я направилась прямо в кабинет директора. «Не доверяй мужчинам с двойным именем», — где я это слышала? А если у женщины обычное женское имя, а фамилия — тоже имя, но мужское, ей можно доверять? Если она вышла замуж и взяла фамилию мужа, а я точно знаю, что директор Скотт взяла фамилию мужа; выходит, что у ее мужа двойное имя. Она ему доверяет?

Так вот, я пришла раньше директора Скотт, так что уселась на неудобную скамейку у кабинета и принялась ждать. В восемь пятнадцать, точно по часам, к кабинету уверенным шагом подошла она сама (директор Скотт у нас очень пунктуальная) и, как мне показалось, сначала даже не заметила, что на скамейке сидит ученица.

Но когда она отперла дверь, я направилась в кабинет вслед за ней.

— Это очень серьезное обвинение, — осторожно сказала директор Скотт. Она предложила сходить за льдом в медкабинет, но я отказалась, соврав, что мне уже не больно. На самом же деле глаз немножко беспокоил.

Дело было не в том, что она мне не поверила, точнее, не совсем в том. В конце концов, синяк был заметный, а наша школа очень гордится тем, что воспитывает в учениках умение постоять за себя; что ученики могут обратиться к администрации с любыми трудностями — это даже прописано в буклете о школе. Было видно, что меня ударили, просто директор не хотела верить, что это сделал Майк — ее Майк, который в свободное время помогает ей за небольшую плату (он не на стипендии, как я, но его родители не так богаты, как у некоторых наших одноклассников), Майк, скромная звезда команды по бегу, парень, который краснеет, когда его друзья отпускают вульгарные шуточки (хотя об этом директор Скотт не знает).

Мне было почти жаль ее: казалось, будто она пытается мысленно втиснуть квадрат в круг. Я постаралась представить, что она думает: «В моем кабинете сейчас девушка, которая заявляет, что ее бьет парень», «Жертва всегда говорит правду, пока не доказано обратное». И при этом: «Но не Майк же, да? Это какой-то другой мальчик, какой-то другой ее парень», «Как ответить нейтрально — чтобы она знала, что я не отрицаю ее обвинений, но в то же время сомневаюсь?». И наконец вслух:

— Это очень серьезное обвинение.

Я кивнула. Этим утром по дороге в школу я уже решила: что бы ни сказала директор Скотт, я изо всех сил постараюсь оставаться спокойной, собранной. Она может не поверить, если я буду истерить. Сидя в кабинете, я надеялась, что директор не слышит, как громко стучит мое сердце, не видит, как холодный пот собирается на шее, под хвостом на затылке.

— А Майк уже... — Она осеклась, на секунду отвернулась и наконец сказала: — Такое раньше случилось?

Я снова кивнула.

— Ты говорила об этом с родителями? — спросила она.

Я покачала головой.

— С кем-нибудь из друзей?

Я снова покачала головой.

— Почему так?

Тут у меня начало закрадываться опасение, что я пришла не к тому человеку. Наверное, стоило сначала поговорить с мамой. Или даже с мамой Майка. Странно как-то, что я в первую очередь рассказала директору, да? Я попыталась вспомнить, почему выбрала ее. Я думала... Пожалуй, я думала, что она положит всему конец. Разве не так должны поступать учителя, школьная администрация — вмешиваться, если ученик ведет себя неподобающим образом?

Впрочем, отступать и менять подход было поздно.

И тут директор Скотт спросила:

— Ты не думала обратиться в полицию?

У меня встал ком в горле: я не могла объяснить, что обращение в полицию казалась мне слишком страшным, слишком серьезным шагом. Даже слышать, как директор говорит слово «полиция», было для меня слишком. Мама сказала бы «чересчур», дай я ей возможность высказаться.

Боже, а что, если директор вызовет полицию? Мое сердце забилося еще быстрее. Она же не может так поступить, правда? Не может, если я против? Все познания о полиции у меня из сериалов. Мне смутно вспомнилась какая-то очень деловая актриса, которая говорила другой, несколько менее деловой актрисе, что та должна подать заявление в органы. Но если я скажу директору, что не хочу идти в полицию, разве она не заподозрит меня во лжи? Я засунула руки под колени. Ладони были такими влажными, что я боялась, как бы директор не заметила. Влажные ладони — это же обычно знак того, что человек врет, да?

Как будто это так легко — говорить правду.

— Ты, конечно, понимаешь, что мне нужно будет обсудить это с твоими родителями? — сказала директор Скотт.

Я еле сдержала вздох облегчения. Звонок родителям — это, конечно, не то чтобы идеально, но намного лучше, чем в полицию. Директор Скотт продолжила:

— И с родителями Майка.

Ну, это логично. И справедливо, раз она собирается говорить с моими родителями.

— И, естественно, я обсужу это с самим Майком.

Я снова кивнула. Разве не этого я хотела? Как иначе она должна была это прекратить?

Директор добавила:

— Кроме того, учитывая, как быстро тут разлетаются слухи, я полагаю, что твои одноклассники тоже вскоре об этом узнают.

Она как будто сожалела, что не сможет сохранить все в секрете. Я прижала к джинсам ладони, надеясь вытереть их так, чтобы директор не заметила, какие они влажные.

Может, не стоило сегодня собирать волосы в хвост. Может, из-за этого кажется, что я пытаюсь привлечь внимание к синяку. Я решила, что, как только выйду из кабинета директора, распушу волосы, чтобы можно было, наклонив голову, спрятать синяк за прядями. Хотя тогда директор Скотт может подумать, что я специально так сделала: для нее убрала волосы с лица, для ребят в коридоре его завесила.

Очень хотелось подтянуть колени и спрятать в них лицо, сжаться, стать как можно меньше. Но я не сводила взгляда с пола. Я даже старалась не сутулиться. Заметила ли директор Скотт, что на мне свитер Майка? Я посмотрела на свои ноги. Интересно, когда последний раз пылесосили пол, и кто придумал застелить кабинет директора ковром — в отличие от остальных помещений школы, полы которых покрыты холодным твердым линолеумом? На мне были удивительно потрепанные кроссовки. Может, это тоже специально, чтобы казаться жертвой: видите, даже мои кроссовки потрепаны.

Или они, наоборот, будут свидетельством моей вины: «Этой девочке вообще доверять нельзя, у нее даже кроссовки потрепаны. Очевидно, она за собой не следит. Очевидно, хорошие вещи ей доверять нельзя».

Майк — Очень Хорошая Вещь. Я влюбилась, как только он позвал меня на свидание. Буквально в ту же секунду. Прежде я не подозревала, что он знает о моем существовании. Хотя нет, это преувеличение, а в моих обстоятельствах не стоит преувеличивать. Конечно, он знал о моем существовании: мы ходили в один детский сад и в одну школу, в детстве — на одни и те же дни рождения, позже — на тусовки; у нас в основном общие друзья. Но — пока он не позвал меня на свидание — я бы никогда не подумала, что он на меня заглядывается, ну и сама на него не заглядывалась. Конечно, я не слепая: он самый красивый парень в школе (это мое мнение, но поверьте, не я одна так думаю). Пшеничные волосы, высокий, загорелый, подтянутый. А я даже из наших друзей не самая красивая. Не самая остроумная, не самая начитанная и не самая стройная. Я обычная. Я как-то погуглила, мой рост буквально совпадает со средним ростом девушек моего возраста. Цвет глаз (карий) и волос (каштановый) тоже вполне обыкновенный. Майк мог встречаться, с кем хотел, так что рассматривать его в романтическом смысле было бесполезно.

Но он позвал меня на свидание. Это не принято: все всегда тусят вместе либо просто целуются по углам, но Майк взял и пригласил меня на свидание. Казалось, что я в фильме восьмидесятых, где он

капитан футбольной команды, а я чирлидерша. Или такое снимали в пятидесятых? Может, тогда и надо было осознать, что он старомоден? Заметить надвигающуюся угрозу?

И как только он пригласил меня на свидание, я влюбилась. Вот так просто. Как будто все это время я не замечала, что до безумия, окончательно, бесповоротно в него влюблена. Майк возвышался надо мной, ожидая ответа. Он стоял так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы сказать, что, да, конечно, я пойду с ним на свидание. Мое сердце билось так сильно, так быстро, что я была уверена: он слышит. Оно так не билось даже сегодня утром в кабинете директора, а это, если подумать, повод для беспокойства посерьезнее, чем приглашение на свидание, разве нет? Может, когда все это закончится, стоит сходить к врачу?

— Ты в этом уверена? — спросила директор Скотт.

Она закинула ногу за ногу, потом передумала и вернула ее обратно. Директор не из тех учительниц, которые пытаются быть заодно с девчонками. Светлые волосы ровной стеной спускаются чуть ниже плеч, на голове всегда широкий черный обруч. Почти каждый день на директоре Скотт удобные черные туфли без каблука. В этом году, когда мы ходили в поход, на ней были брюки хаки и кроссовки — такие чистые, что казалось, их никогда раньше не надевали.

Сейчас в вопросе директора неодобрения не прозвучало. Скорее казалось, будто она за меня волнуется.

После первого свидания все было ясно. С тех пор мы встречаемся — уже шесть месяцев. Я не помню, когда именно Майк начал говорить, что мы вместе навсегда. Он говорил, что мы поступим в один университет (в тот, который принял бы его по спортивной стипендии в команду бегунов), что мы будем жить в одном общежитии, а после выпуска — работать в одном городе.

Какая девушка не мечтает о таком любящем парне?